

СМОТРИТЕ...

Это космос. Его еще иногда называют последним рубежом.

(Вот только, разумеется, *последнего* рубежа быть не может, потому что тогда ему не для чего будет служить рубежом, но уж предпоследний-то рубеж из космоса получается отличный...)

На фоне звездной россыпи повисла туманность, огромная и черная, и посреди нее сияет, точно безумие богов, красный гигант.

А потом это сияние оказывается бликом в огромном глазу, и затмевается веком, и тьма взмахивает ластами, и Великий А'Туин, звездная черепаха, продолжает свой путь сквозь пустоту.

На спине у него стоят четыре слона. На их плечах, окаймленный водой, блистающий под лучами крошечного солнышка, величественно обращающийся вокруг гор своего ледяного Пупа, лежит Плоский мир — мир в себе и зеркало миров.

Он почти нереален.

Реальность — явление не цифровое, а аналоговое и не работает по принципу «вкл./выкл.». Она *градуальна*. Иными словами, предметы точно так же отличаются реальностью, как, скажем, весом. Например, одни люди реальнее других. По приблизительным подсчетам, на

любой планете живет всего-то около пятисот *реальных* людей; именно поэтому они все никак не перестанут неожиданно сталкиваться друг с другом.

Плоский мир нереален ровно настолько, насколько это возможно, чтобы сохранять в себе частичку реальности, достаточную, чтобы он существовал.

Достаточную, чтобы он угодил в реальные неприятности.

Где-то в тридцати милях по вращению от Анк-Морпорка, там, где Круглое море встречается с Краевым океаном, на продуваемом ветрами, поросшем взморником, покрытом дюнами клочке земли шумел прибой.

Холм был виден за многие мили отсюда. Пусть и не слишком высокий, среди дюн он высился, точно опрокинутый корабль или особенно неудачливый кит; его покрывали низкорослые деревца. Дождь здесь проливался лишь тогда, когда у него не оставалось другого выбора. И, хотя в окружающих дюнах хозяйничал ветер, на невысокой вершине холма царила вечная звенящая тишина.

На протяжении сотен лет все здесь оставалось неизменным, кроме очертаний дюн.

До сегодняшнего дня.

На длинном изгибе пляжа стояла кособокая хижина, построенная из плавника, хотя в данном случае слово «построенная» оскорбило бы всех когда-либо существовавших умелых строителей кособоких хижин; даже если бы морю доверили накидать в кучу обломки дерева, оно и то лучше справилось бы с работой.

И вот внутри этой самой хижины только что умер старик.

— Ох, — сказал он. Открыл глаза и оглядел внутреннее убранство хижины. Последние десять лет оно выглядело каким-то расплывшимся.

Потом он спустил на землю свои... ну, если не ноги, то, по крайней мере, воспоминания о своих ногах, и встал с подстилки из приморского вереска. И вышел наружу, в алмазно-ясное утро. Он с любопытством подметил, что даже после смерти до сих пор одет в призрачное подобие своего церемониального облачения — оно было заляпано и оборвано, но в нем все еще узнавался бордовый плюш с золотым кантом. Или одежда умирает вместе с тобой, подумалось ему, или твое сознание по привычке облачается в знакомый наряд.

Та же самая привычка привела его к груде плавника рядом с хижинкой. Но когда он попытался поднять несколько веток, его руки прошли сквозь них.

Он выругался.

И лишь после этого заметил у кромки воды фигуру, устремившую взгляд в море. Она опиралась на косу. Ветер трепал ее черный балахон.

Он заковылял к ней, потом вспомнил, что умер, и перешел на размашистый шаг. Размашисто шагать ему не приходилось уже несколько десятков лет, однако навык возвращался на удивление быстро.

Не успел он одолеть и половины пути, как темная фигура обратилась к нему.

— ДЕККАН РИБОБ, — сказала она.

— Это я.

— ПОСЛЕДНИЙ СТРАЖ ДВЕРИ.

— Да, что-то вроде того.

Смерть заколебался.

— ТЫ ЛИБО СТРАЖ, ЛИБО НЕТ, — сказал он.

Деккан почесал нос. «Ну разумеется, — подумал он, — самого-то себя касаться можно. А то ведь на кусочки развалишься».

— По-хорошему-то, Стража должна посвятить в таинства Верховная Жрица, — объяснил он. — Только Верховные Жрицы все кончились уж много тысяч

ТЕРРИ ПРАТЧЕТТ

лет как. А меня всему обучил старик Тенто, который тут до меня жил. Он просто взял и сказал мне однажды: «Деккан, я, кажись, помираю, так что теперь все на тебе, а то ведь ежели не останется тех, кто помнит, так все начнется по новой, а ты сам понимаешь, что это значит». Ну, я-то был не против. Но порядочным таинствопосвящением это не назовешь.

Он посмотрел на песчаный холм.

— Только мы с ним оставались, — проговорил он. — А после него про Гольвуд один я и помнил. А теперь...

Его рука взметнулась к губам.

— Ай-ай-ай, — выдохнул он.

— ДА, — согласился Смерть.

Неверным было бы сказать, что на лице Деккана Рибоба промелькнул испуг, потому что в тот момент его лицо находилось в нескольких ярдах от него и носило такую застывшую усмешку, словно до него дошла наконец-то соль шутки. Но душа Деккана определенно была обеспокоена.

— Видишь, какая штука, — пустилась она в сбивчивые объяснения, — сюда ведь никто не приходит, разве что рыбаки с соседнего залива, а они тут только рыбу оставляют и сразу удирают, суеверные потому что, а я ведь не мог взять и пойти искать себе ученика, потому что нужно было за костром следить и гимны петь...

— ДА.

— ...это ведь страшная ответственность, когда, кроме тебя, работу делать некому...

— ДА, — согласился Смерть.

— Ну да, конечно, тебе ли не знать...

— ВЕРНО.

— ...ну и вот, я все надеялся, что сюда занесет какого-нибудь моряка с разбившегося корабля или охотника за сокровищами, а я бы ему пересказал все, что мне

говорил старик Тенто, и гимнам бы его обучил, и все бы устроил перед тем, как копыта отбросить...

— ДА?

— А нельзя мне этак потихонечку...

— НЕТ.

— Так я и думал, — уныло вздохнул Деккан.

Он перевел взгляд на волны, захлестывавшие берег.

— А ведь тут когда-то, тысячу лет назад, был большой город, — сказал он. — Там, где море теперь. Когда штормит, слышно, как под водой бьют старые храмовые колокола.

— Я ЗНАЮ.

— Бывало, ветреными ночами я сиживал здесь и слушал. Воображал, как там, внизу, мертвые звонят в колокола.

— НО ТЕПЕРЬ НАМ ПОРА УХОДИТЬ.

— Старик Тенто говорил, что тут, под холмом, зарыто что-то такое, что может управлять людьми. Заставить их выделывать странные штуки, — сказал Деккан, неохотно следуя за шествующей фигурой. — Но я никаких странных штук не выделывал.

— НО ТЫ ВЕДЬ ПЕЛ ГИМНЫ, — ответил Смерть. И щелкнул пальцами.

Его конь оставил попытки щипать редкую поросль на дюнах и подбежал к Смерти. Деккан удивился, заметив, что на песке остаются следы копыт. Он-то ожидал увидеть искры или хотя бы оплавленный камень.

— Э-э, — сказал он, — а ты не расскажешь мне, э-э... что будет дальше?

Смерть объяснил.

— Так я и думал, — мрачно проговорил Деккан.

Костер, горевший на невысоком холме всю ночь, обрушился, подняв в воздух фонтан пепла. Но несколько угольков продолжали тлеть.

Вскоре им предстояло погаснуть.

...

...

..

.

Они погасли.

.

..

...

...

Еще целый день после этого ничего не происходило. Потом в маленькой впадинке на краю угрюмого холма сместились несколько песчинок, открыв небольшую ямку.

И что-то вырвалось на волю. Что-то незримое. Что-то радостное, самовлюбленное и чудесное. Что-то эфемерное, словно идея, — собственно, это она и была. Сумасбродная идея.

Она была так стара, что возраст ее не уместился бы ни в один известный человечеству календарь, и были у нее только память и нужда. Она помнила жизнь в других временах и других вселенных. Она нуждалась в людях.

Идея поднялась к звездам, меняя облик, закручиваясь стружкой дыма.

На горизонте сияли огни.

Она *любила* огни.

Несколько мгновений идея созерцала их, а потом невидимой стрелой нацелилась на город и устремилась к нему.

А еще она любила *действие*...

Минуло несколько недель.

Говорят, что все дороги ведут в Анк-Морпорк, величайший из городов Плоского мира.

По крайней мере, *говорят*, что говорят, что все дороги ведут в Анк-Морпорк.

Это не так. Все дороги ведут из Анк-Морпорка, просто некоторые люди ходят по ним не в ту сторону.

Поэты давно забросили попытки описать этот город. Теперь самые ушлые из них пытаются его выгораживать. Ну да, говорят они, может, он и воняет, может, он и перенаселен, может, он немножко и напоминает Ад, в котором погасили костры и разместили на год стадо мучимых недержанием коров, но ведь нельзя не признать, что он полон чистейшей, сочной, кипучей *жизнью*. И эти слова правдивы, хоть и сказаны поэтами. Но те, кто не посвятил себя стихосложению, возражают: и что? Матрасы тоже частенько бывают полны жизнью, но им-то оды никто не посвящает. Жители Анк-Морпорка ненавидят свой город и, если им доводится его покинуть, отправившись по делам, или на поиски приключений, или, чаще всего, дожидаться истечения срока давности, они с нетерпением ожидают возвращения, чтобы вновь насладиться ненавистью к нему. Они налепляют на свои телеги наклейки со словами «Анк-Морпорк: Ненавидь или Выметайся». Они зовут его Большим Койхреном, в честь фрукта¹.

Время от времени кто-нибудь из правителей города окружает Анк-Морпорк стеной, формально — для защиты от врагов. Но Анк-Морпорк не боится врагов. И даже встречает их с распростертыми объятиями — если, конечно, у этих врагов водятся деньжата². Он

---

¹ Этот фрукт растет лишь в некоторых районах Очудноземья. Он достигает двадцати футов в длину, покрыт шипами цвета ушной серы и пахнет словно муравьед, отобедавший неправильными муравьями.

² В знаменитом издании Гильдии торговцев «Дабро пажаловаться в Анк-Морпоркъ, горад тысичи сюрпризов» с недавних пор имеется целый раздел, озаглавленный «Што делать, если ты — захватчик-варвар?», в котором содержатся сведения о ночной жизни города, местах, где можно задешево ку-

переживал наводнения, пожары, набеги, революции и драконов. Да, иногда лишь по воле случая, — но он их переживал. Жизнелюбивый и безнадежно корыстный дух города не сдавался ни перед чем.

До нынешних пор.

Ба-бах.

Взрыв вышиб окна, дверь и снес большую часть дымохода.

На улице Алхимиков такие случаи были не в новинку. Соседи *предпочитали* взрывы — те были хотя бы понятными и быстро закачивались. Они были лучше запахов, которые подкрадывались исподтишка.

Взрывы были частью обстановки — той, которая еще осталась.

А этот был особенно хорош, даже по стандартам местных ценителей. В глубинах клубящегося черного дыма просматривалось багровое сердце, а такое увидишь нечасто. Кирпичная кладка оплавилась сильнее обычного. По общему мнению, зрелище вышло впечатляющее.

Ба-бах.

Через пару минут после взрыва из бесформенного пролома на месте двери вывалилась фигура. Она лишилась волос, а та одежда, что на ней еще осталась, пылала.

Фигура подковыляла к небольшой толпе, любовавшейся разрушениями, и по прихоти судьбы положила

пить народные поделки, и, в рубрике «О-степь-енись», список ресторанов, где подают приличное кобылье молоко и яковый пудинг. Не один вандал в остроконечном шлеме, возвращаясь в свою холодную юрту, задавался вопросом, куда это запропастились его деньги и как он сделался владельцем дурно соотканного ковра, литра скверного вина и фиолетового набивного ослика в соломенной шляпке.

перепачканную сажей руку на плечо Себя-Режу-Без-Ножа Достабля — продавца горячих мясных пирогов и сосисок в тесте, обладавшего почти волшебной способностью возникать там, где можно что-нибудь продать.

— Я слово ищу, — проговорила фигура мечтательным, потрясенным тоном. — Прямо вот на языке...

— Волдырь? — предположил Достабль.

Потом к нему вернулось коммерческое чутье.

— После таких переживаний, — добавил он, протягивая кусок теста, в котором скрывалось столько переработанных органических отходов, что он готов уже был вот-вот обрести разум, — тебе обязательно нужно перекусить горячим мясным пирожком...

— Не-не-не. Не волдырь. Это такое слово, которое говоришь, когда что-то открыл. Выбегаешь на улицу и кричишь, — поспешно сказала дымящаяся фигура. — Особенное слово, — добавила она, морща лоб под слоем сажи.

Толпа, неохотно убедившаяся в том, что взрывов больше не будет, сгрудилась вокруг них. Это могло быть почти так же интересно.

— Ага, верно, — подтвердил какой-то старик, набивая трубочку. — Выбегаешь на улицу и кричишь: «Пожар! Пожар!»

Вид у него был торжествующий.

— Не, не то...

— Или «На помощь!», или...

— Нет, он прав, — сказала женщина с корзиной рыбы на голове. — Есть такое специальное слово. Оно заморское.

— Верно, верно, — поддакнул ее сосед. — Специальное заморское слово для тех, кто что-то открыл. Его какой-то иностранный тип придумал, когда ванну принимал...

— А вот я, например, — сказал старик с трубкой, раскуривая ее от тлеющей шляпы алхимика, — не понимаю, с чего людям в нашем городе бегать и кричать варварские слова только потому, что им ванна нужна. Да и вообще, посмотрите на него. Он ванну не принимал. Она ему не мешает, но он ее не принимал. И с чего ему тогда кричать заморские словечки? У нас и свои неплохие слова для того, чтобы кричать, имеются.

— Это какие? — спросил Себя-Режу-Без-Ножа.

Курильщик задумался.

— Ну, — сказал он, — например... «Я чего-то открыл»... или там... «Ура»...

— Да нет, я про того типа, который был из Цорта или еще откуда... Он сидел в ванне, что-то придумал, выскочил на улицу и заорал.

— А что заорал-то?

— Не знаю. Может, «Дайте мне полотенце!».

— Попробовал бы он у нас такое отмочить — точно заорал бы, — жизнерадостно сказал Достабль. — А вообще, дамы и господа, у меня тут с собой сосиски в тесте, от которых у вас...

— Эврика, — сказал покрытый сажей алхимик, качиваясь взад-вперед.

— И ничего я не вру, — возмутился Достабль.

— Да нет, я слово вспомнил. «Эврика». — Почерневшее лицо алхимика расплылось в беспокойной улыбке. — Это значит «Нашел».

— Что нашел? — не понял Достабль.

— То, что искал. Я вот нашел. Октоцеллюлозу. Поразительное вещество. В руках у меня было. Но я поднес его слишком близко к огню, — проговорила фигура озадаченным тоном человека, на волосок разминувшегося с сотрясением мозга. — Оч-чень важный факт. Надо его записать. «Ни в коем случае не нагрее-

вать». Оч-чень важный. Надо записать оч-чень важный факт.

И он, шатаясь, убрел обратно в дымящиеся руины. Достабль посмотрел ему вслед.

— И что это было? — спросил он. Потом пожал плечами и закричал: — Пирожки с мясом! Горячие сосиски! В тесте! Такие свежие, что свинья еще пропажу не заметила!

Выбравшаяся из-под холма мерцающая, вихрящаяся идея была всему этому свидетельницей. Алхимик даже и не подозревал, что она рядом. Он знал только, что был сегодня необычайно изобретателен.

А теперь идею заинтересовал ум торговца.

Она знала этот склад ума. Она его обожала. Ум, способный торговать пирогами из кошмарных снов, годился и для торговли грезами.

Она взлетела.

На далеком холме бриз ворошил холодный серый пепел.

А ниже, в трещинке, что во впадинке меж двух камней, где боролся за жизнь хилый кустик можжевельника, пришла в движение крошечная струйка песка.

Ба-бах.

Потолочная штукатурка тонким слоем припорошила стол Наверна Чудакулли, нового аркканцлера Незримого Университета, который как раз пытался обвязать леской особенно несговорчивую муху.

Чудакулли выглянул в витражное окно. Над окраиной Морпорка поднималось облако дыма.

— Казначе-ей!

Казначей примчался через несколько секунд, совершенно запыхавшись. Громкие звуки его нервировали.